

АРХЕОЛОГИЯ

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ТЮМЕНСКОГО ПРИТОБОЛЬЯ

Е.Н. Волков

Статья посвящена проблемам изучения энеолитических культур Тюменского Притоболья. Анализ накопленных археологических сведений позволил произвести объединение в рамках единой археологической культуры лыбаевских и байрыкских древностей, рассматривавшихся ранее как самостоятельные культурные образования. Для наименования данной археологической культуры предлагаем термин «байрыкско-лыбаевская», а в ее составе рассматриваем два локальных варианта: северный (байрыкский) и южный (лыбаевский).

Энеолит, липчинская культура, Тюменское Притоболье, байрыкско-лыбаевская культура, отступающе-накольчатая керамика, короткий гребенчатый штамп, длинный гребенчатый штамп, гребенчато-ямочная посуда.

Изучение энеолитических древностей Тюменского Притоболья и сопредельных территорий имеет достаточно долгую историю. К рассматриваемой проблеме обращались П.А. Дмитриев [1951], В.Н. Чернецов [1953], В.Ф. Старков [1980], М.Ф. Косарев [1981], В.Т. Ковалева (Юровская) [1973, 1977], Н.М. Чаиркина [2005], А.Ф. Шорин [1999] и другие исследователи. В результате к 80-м — началу 90-х гг. прошлого века сложилась научная схема, согласно которой в эпоху медно-каменного века на территории региона проживали носители шапкульской, липчинской и андреевской культур (см., напр.: [Ковалева, 1995]). М.Ф. Косаревым кроме отмеченных образований выделялись памятники байрыкского типа [1981].

Однако изучение указанного периода в рамках Тюменского Притоболья носило весьма ограниченный характер. Среди целенаправленно исследованных энеолитических памятников в конце 80-х — 90-х гг. XX в. следует выделить поселение Велижаны 1 [Асташкин и др., 1995], святилище Велижаны 2, грунтовые могильники Бузан 3 [Матвеев и др., 1997; Матвеев, Волков, 1999] и Чепкуль 21 [Зах и др., 2005], поселение ЮАО 13а [Зырянова, Шаманаев, 2001], а также ряд памятников на территории Ярковского р-на Тюменской обл. [Зах, 2002]. Примечательно, что орнаментальные особенности керамики ряда исследованных объектов не позволяли напрямую связать их с «классическими схемами» зауральского энеолита. Сформированные в прежние годы догмы нередко заставляли искусственно вычленять из вновь получаемого археологического материала привычные культуры и орнаментальные типы. Это относится в основном к липчинской проблематике и в меньшей степени к памятникам шапкульской культуры.

Поворотным моментом в изучении проблемы стали раскопки поселения Двухозерное 1, результаты которых позволили поставить вопрос о существовании в лесостепном Притоболье нового культурного типа — лыбаевского [Волков, 2002], а впоследствии самостоятельной лыбаевской культуры [Волков, 2005–2007]. Приблизительно в это же время В.А. Зах отказывается от липчинской культурной атрибуции ряда энеолитических памятников подтаежного Притоболья, предложив для них термин «комплексы с крупнонакольчатой и гребенчато-ямочной орнаментацией» [2002]. Дальнейшее развитие научного знания проходило по пути обоснования и выделения в составе лесостепных лыбаевских древностей двух преемственных этапов развития — бузанского и двухозерского [Волков, 2005–2007]. В.А. Зах, напротив, приходит к выводу о существовании в Притоболье особой байрыкской культуры¹, памятники которой локализованы как в подтаежной полосе региона, так и на пространствах северной лесостепи [2006].

Обращаясь к вопросу датировки лыбаевских и байрыкских древностей, следует еще раз обозначить подходы к решению данной проблемы. Материалы северолесостепной полосы При-

¹ Впервые термин «байрыкский тип» (этап) был использован М.Ф. Косаревым, согласно точке зрения которого основное своеобразие рассматриваемой керамики заключается в однообразном чередовании рядов короткого гребенчатого штампа [1981. С. 54].

К проблеме изучения энеолитических культур Тюменского Притоболья

тоболья позволили поставить вопрос о функционировании лыбаевской культуры на протяжении основной части эпохи энеолита и плавном генезисе орнаментальной, домостроительной традиций и каменной индустрии от ранних памятников к поздним [Волков, 2005, 2007]. Период бытования лыбаевских древностей был дифференцирован на два этапа — ранний (бузанский), датирующийся концом IV — серединой III тыс. до н.э., и поздний (двухозерский) — первая треть — конец III тыс. до н.э. [Волков, 2005–2007, 2009]. Памятники раннего энеолита на территории подтаежной полосы Притоболья, как по мнению автора статьи, так и согласно точке зрения В.А. Заха, представлены материалами шапкульской культуры, хронологические рамки которой в целом соотносятся со временем бытования раннелыбаевских объектов [Волков, 2005–2007; Зах, 2006; Матвеева и др., 2005].

Наша точка зрения относительно специфики историко-культурной ситуации в регионе во многом сопоставима с позицией В.А. Заха. Однако при детальном рассмотрении позиций фиксируется ряд различий, которые не столько помогают разрешить проблему, сколько запутывают ее. При выделении лыбаевского культурного типа [Волков, 2002], а впоследствии самостоятельной культуры [Волков, 2005, 2006] мы ограничили ареал указанных памятников шириной северолесостепной части Тюменского Притоболья исходя исключительно из имевшегося в нашем распоряжении археологического материала. Опубликованные данные, а также просмотр коллекций, отражающих специфику историко-культурной ситуации на сопредельных территориях большого Зауральского региона, при всей видимой схожести с материалами лесостепного Притоболья, в формировании культурно-генетической концепции нами лишь принимались к сведению. Вынужденное «игнорирование» этих данных определялось исключительно невозможностью их корректной атрибуции на тот момент времени.

Научная концепция В.А. Заха, в отличие от предложенной нами, экстраполирована на основную часть Нижнего Притоболья. В частности, ареал памятников шапкульской культуры не ограничивается подтайгой, распространяясь и на лесостепную ландшафтную провинцию. Материалы грунтового могильника Бузан 3 рассматриваются исследователем с точки зрения их принадлежности к памятникам шапкульской культуры, как и материалы святилища Савин 1 и поселения Кочегарово 1 [Зах, 2006].

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что проблема изучения энеолитических древностей Нижнего Притоболья до настоящего времени не сведена к «единому» знаменателю, остаются нерешенными вопросы, связанные с соотношением лыбаевских и байрыкских комплексов, а также с шапкульским территориально-хронологическим пластом. Кроме того, в связи с появлением работ, посвященных пересмотру липчинской тематики [Кокшаров, 2008], нельзя обойти стороной и эту составляющую проблемы. Полагаем, что современное состояние источниковой базы, формирующей взгляды и концепции исследователей, не позволяет решить рассматриваемую задачу окончательно, вследствие чего логичным представляется не только поиск «готовых» ответов на вопросы, но и формирование объективных гипотез, базирующихся на накопленном материале и грамотно поставленных вопросах. Полагаем, что среди основных критериев, способствующих достижению результата, должны быть следующие: а) критический взгляд на коллекции памятников, исследованных на протяжении предшествующего столетия; б) объективное рассмотрение орнаментального комплекса энеолитических культур региона и выделение его декоративных и стилистических составляющих.

В рамках решения поставленной задачи будем оперировать материалами памятников, в разное время относимых исследователями к шапкульским, липчинским, байрыкским и лыбаевским древностям. Андреевская проблематика, в связи с не вызывающими сомнений критериями выделения культуры, рассматриваться не будет.

В данной части работы нам придется еще раз обратиться к липчинской проблематике. Исторически сложилось, что подходы к пониманию особенностей культуры не однородны, хотя основываются на признании орнаментального своеобразия керамического комплекса. Одна из точек зрения предполагает рассмотрение в качестве липчинской исключительно посуды, орнаментированной в стиле «ложного шнура», как правило, с преобладанием геометрических узоров и композиций, расположение которых могло определяться как горизонтальным, так и вертикальным членением декоративного пространства (см., напр.: [Косарев, 1981]). Второй подход наиболее емко сформулирован В.Ф. Старковым, который, в частности, писал: «Как показали исследования, первые две группы керамики — ложно-шнуровая и гребенчатая — входят в состав одних и тех же памятников, одних и тех же комплексов жилищ...» [1980. С. 147]. «...Среди

основных орнаментальных рисунков преобладают геометрические фигуры: чередующиеся полые и заштрихованные треугольники, взаимопроникающие треугольные зоны, ромбы, прямоугольники и другие фигуры...» [Там же. С. 151]. «...Вторым компонентом липчинских комплексов служит керамика, украшенная отпечатками длинного прямого гребенчатого штампа... Для нее характерны те же орнаментальные принципы, что и для ложношнуровой керамики, господствующим же видом узоров является мотив геометрических фигур...» [Там же. С. 154]. Именно с этих позиций традиционно формировались представления исследователей относительно орнаментального своеобразия липчинских комплексов. Добавим, что при описании памятников, интерпретируемых с точки зрения липчинской культурной принадлежности, как в Притоболье, так и в горно-лесном Зауралье, иллюстративный материал научных работ практически полностью соответствовал описанным выше схемам (см., напр.: [Старков, 1980. Табл. XXVII–XXX; Чаиркина, 2005. Рис. 26–30; Косарев, 1981; Косарев, Потемкина, 1975]). Пожалуй, единственными памятниками, атрибутированными сквозь липчинскую «призму», опубликованный материал которых не вписывался в классические каноны, являлись поселения ЮАО 8 и СБАО 6 [Ковалева, 1973, 1977].

Таким образом, под липчинским орнаментальным типом, характеристики которого были транслированы на культуру, абсолютным большинством исследователей понимается керамика, декорированная в ложношнуровой либо гребенчатой технике с преобладающим использованием геометрических узоров и композиций.

В Тюменском Притоболье нам известно всего два чистых липчинских памятника, отложения которых не содержат инородной энеолитической посуды. Причем в обоих случаях представлен исключительно ложношнуровой комплекс. Первый объект — Велижаны 1 (раскоп 2) являет собой недолговременную стоянку [Асташкин и др., 1995], второй комплекс вычленен при разборе материалов Мысовского могильника (раскопки А.В. Матвеева), в коллекции которого среди артефактов более позднего времени выделяется репрезентативная ложношнуровая выборка. Данный факт, по нашему мнению, свидетельствует о самостоятельном, пусть и недолговременном, бытовании чистых липчинских памятников, причем в классическом понимании термина.

Изыскания последних лет, направленные на прояснение историко-культурной ситуации в Тюменском Притоболье, показали, что значительное число энеолитических памятников, рассматривавшихся ранее с позиции липчинской принадлежности, на деле демонстрируют полное преобладание иных орнаментальных характеристик. В качестве примера приведем поселение Ипкуль 1, изначально атрибутированное с позиции проживания, вероятно последовательного, носителей липчинской и андреевской культур [Косарев, Потемкина, 1975]. Новые раскопки памятника позволили установить, что наравне с андреевской посудой здесь доминирует керамика, аналогичная байрыкско-лыбаевским материалам [Волков, Белослудцев, 2005]. Классическая липчинская керамика представлена двумя-тремя фрагментами [Там же]. Близкая ситуация отмечена при рассмотрении ряда старых коллекций памятников Андреевского озера (ЮАО 13, 18 и др.). Аналогичную картину дают исследованные в последнее время поселения Курья 1 и Плотинное, в числе прочих содержащие энеолитические культурные отложения. Керамика, декорированная в липчинском стиле, происходящая с этих объектов, представлена очень незначительными сериями, «растворяющимися» в байрыкско-лыбаевском материале.

Сказанное наглядно иллюстрирует тезис, что значительное число энеолитических памятников, получивших в свое время липчинскую культурную атрибуцию, в реальности демонстрируют иную орнаментальную специфику, которая, однако, вероятно в силу сложности интерпретации и несоответствия сложившимся схемам и догмам, оставалась «за рамками» опубликованного материала.

Липчинская тематика вновь приобрела актуальность в связи с выходом работы С.Ф. Кокшарова [2008], которым прекрасно показаны узловые моменты проблемы. Признавая многокомпонентный характер большинства энеолитических памятников Притоболья, нашедший отражение в принципах орнаментации посуды, исследователь, по сути дела, призывает расширить традиционные характеристики липчинских древностей, что позволило бы рассматривать в их рамках комплексы, выделенные в лыбаевскую и байрыкскую культуры [Там же]. Не настаивая на обязательном сохранении термина, С.Ф. Кокшаров пишет: «...В данном случае совершенно неприципиально и второстепенно, как мы будем именовать подобные памятники и керамику — липчинскими, шапкульскими или лыбаевскими,— важно привыкнуть к многокомпонентному облику комплексов Зауралья и Притоболья, которые будут характеризовать энеоли-

К проблеме изучения энеолитических культур Тюменского Притоболья

тические древности в рамках определенного хронологического горизонта...» [Там же. С. 150]. Формулируя свою точку зрения, С.Ф. Кокшаров постоянно обращается к материалам поселения ЮАО 8, исследованного В.Т. Ковалевой [1977], которые, по его мнению, аналогичны лыбаевским [Кокшаров, 2008]. При рассмотрении проблемы в общем плане, приведенная точка зрения вполне логична и обоснована, учитывая эволюцию энеолитической культуры от ранних этапов развития к поздним, по крайней мере в пределах Тюменского Притоболья. Многокомпонентные энеолитические комплексы можно называть даже шапкульскими, что в целом соответствует нашей гипотезе о развитии лесостепных лыбаевских древностей (см., напр.: [Волков, 2005, 2006]). Осознавая, что от перемены наименования комплекса специфика историко-культурной ситуации в регионе не изменится, мы, тем не менее, предлагаем сосредоточиться на деталях, которые при должном подходе способны привести к формированию объективного видения проблемы.

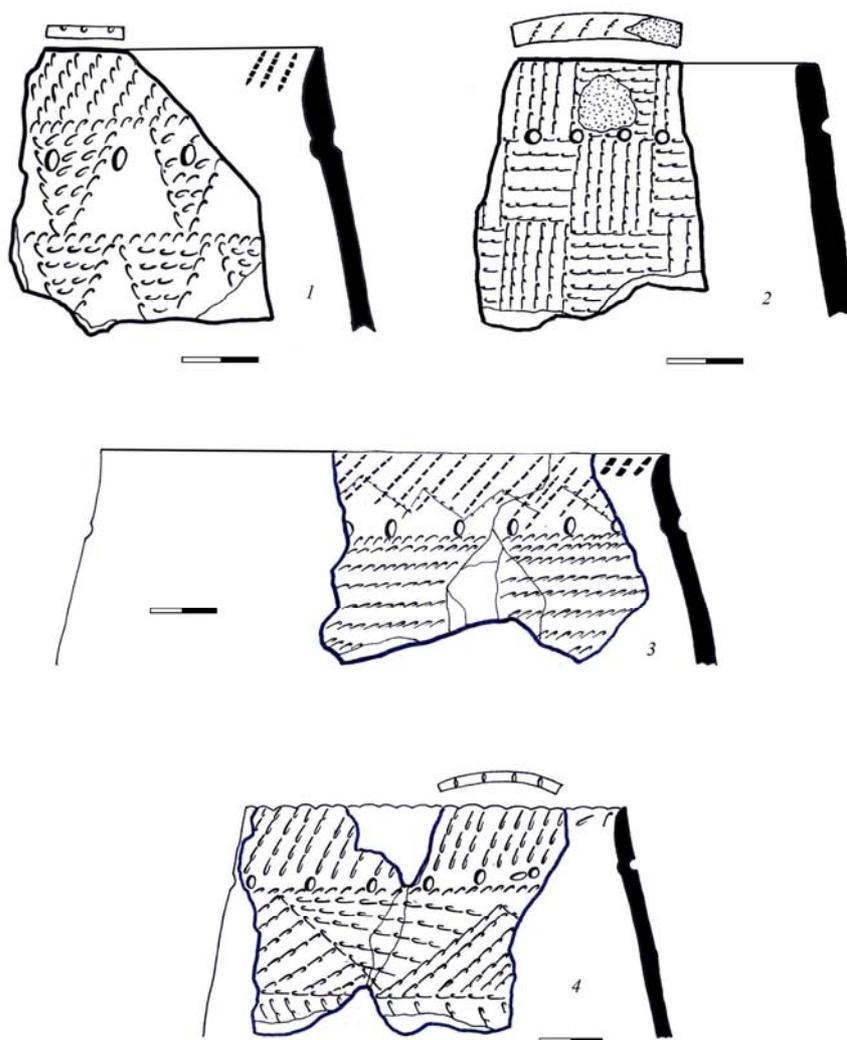
Обращаясь к поселению ЮАО 8, отметим, что единственная публикация материалов памятника [Ковалева, 1977], в силу ограниченности ее объема, не дает четких представлений относительно орнаментальной специфики керамики. Приведенная статистика и немногочисленные иллюстрации позволяют согласиться с позицией С.Ф. Кокшарова о присутствии в орнаментальном комплексе всех групп керамики, характеризующей лыбаевские древности: «короткогребенчатой», «длинногребенчатой» и «отступающе-накольчатой». Однако анализ имеющегося иллюстративного материала свидетельствует, на наш взгляд, о хронологической неоднородности комплекса в рамках эпохи энеолита. С одной стороны, выделяется посуда, традиционно относимая к шапкульской, с использованием «жучкового» штампа при отсутствии поясов ямочных узоров на тулове и дне изделий [Там же. С. 97, рис. 4, 6, 9]. С другой стороны, выделяются группы керамики, орнаментированные в «короткогребенчатом» [Там же. С. 97, рис. 4, 1, 3, 10] и «отступающе-накольчатом» (или «крупнонакольчатом») [Там же. С. 98, рис. 5, 1, 2, 4–6, 9, 10] стилях, с рядами ямочных вдавлений по дну и тулову сосудов. О хронологии ямочного декора, опускающегося ниже зоны венчика, неоднократно писали и автор данной статьи [Волков, 2006, 2007, 2009], и В.А. Зах [2002, 2006], отмечавшие факт массового распространения последнего начиная с позднеэнеолитического времени. С «шапкульскими» отложениями памятника неплохо соотносятся наконечники кельтеминарского типа и пластинчатый комплекс каменных орудий, выполненных из качественных пород сырья. Тезис о невозможности стратиграфического разделения энеолитических материалов поселения [Кокшаров, 2008. С. 149] спорен по нескольким причинам. Во-первых, в иллюстративном материале фигурирует керамика [Ковалева, 1977. С. 97, рис. 4, 2], которую трудно интерпретировать иначе чем с позиции андреевской культурной принадлежности. Во-вторых, следует учитывать историко-культурную и геологическую специфику системы Андреевских озер. Повышенная концентрация памятников эпох каменного и медно-каменного веков здесь общеизвестна, что позволило М.Ф. Косареву назвать его этнокультурным «заповедником» [1981], а супесчаные почвы способствуют естественной миграции культурных остатков, особенно относящихся к одной хронологической эпохе. Полагаем, что для конструктивной дискуссии относительно культурной принадлежности поселения ЮАО 8 и его месте в энеолите Притоболья данных, имеющих в публикации, явно недостаточно, а масштабные выводы на неоконченном проработанном материале представляются спорными.

Заканчивая рассмотрение поселения ЮАО 8, можно констатировать, что основная ценность памятника заключается не в археологическом материале, а в его отображении автором раскопок, показавшим объективную специфику керамического комплекса, что, наравне с публикацией материалов поселения СБАО 6 [Юровская, 1973], явилось едва ли не единственным случаем такого освещения ситуации применительно к энеолитическим памятникам Тюменского Притоболья в 70–80-е гг. XX в. Вывод В.Т. Ковалевой относительно специфики липчинских памятников Тюменского Притоболья, характеризующихся преобладанием крупнонакольчатого декора [1977], был прогрессивным для своего времени и позволил впервые поставить вопрос о своеобразии историко-культурной обстановки в регионе. По сути дела, в данном вопросе сложилась ситуация, нередкая на начальном этапе изучения новой археологической культуры, сопряженная с поиском ближайших параллелей, аналогичная, например, предыстории ранне-бронзовых ташковских древностей, первоначально рассматривавшихся с позиции логиновской культурной принадлежности [Юровская, 1973].

Вторым аспектом, диктующим отказ от использования термина «липчинская культура» применительно к сложносоставным орнаментальным комплексам Притоболья, является устой-

чивое, догматичное восприятие понятия, отождествляемого со специфическим «ложношнуровым» типом керамики либо его гребенчатой разновидностью. Рассматриваемый стереотип настолько прочно вошел в археологический обиход, что даже обоснованное смещение акцентов характеристики культуры вряд ли способно кардинально изменить ситуацию, связанную в первую очередь с подсознательным восприятием понятия.

И наконец, третьим — основным — моментом, на наш взгляд, является доказанный факт самостоятельного существования классических «ложношнуровых» липчинских памятников, не содержащих «попутной» энеолитической примеси, представленных в регионе поселением Велижаны 1 (раскоп 2) и материалами Мысовского комплекса (рис. 1, 1–4).

Рис. 1. Керамика липчинского типа
(энеолитический горизонт Мысовского могильника)

В данной части работы следует перейти к вопросу о соотношении лыбаевских и байрыкских древностей, выделяемых нами [Волков, 2005, 2006] и В.А. Захом [2006]. Сходство археологического материала, происходящего с рассматриваемых объектов, уже отмечалось в начале работы, что в конечном итоге подразумевает поиск обоснованных критериев для объединения рассматриваемых образований в один культурный блок либо их обоснованное разграничение. Однако прежде следует обратиться к специфике археологического материала, в первую очередь керамики, характеризующей рассматриваемые памятники. При выделении лыбаевских древно-

К проблеме изучения энеолитических культур Тюменского Притоболья

стей [2002, 2005, 2006] мы исходили из постулата о приуроченности памятников культуры к северолесостепной полосе Притоболья. Увеличившийся в последнее время фонд археологических источников позволяет конкретизировать данную позицию.

В обосновании выделения байрыкских [Зах, 2006] и лыбаевских [Волков, 2002, 2005, 2006] древностей содержатся, по сути дела, тождественные аспекты, различающиеся лишь в деталях. Главное, авторами признается многокомпонентный состав керамических комплексов, представленных посудой, орнаментированной в отступающе-накольчатом и гребенчатом стилях [Там же]. К числу основных расхождений относятся следующие.

Во-первых, тезис об определяющей роли в характеристике байрыкской культуры гребенчато-ямочного декора. В контекст данного положения логично вписывается и отступающе-накольчато-ямочный комплекс рассматриваемых объектов [Зах, 2006].

Во-вторых, проблема хронологии, в рамках которой функционирование лыбаевских древностей определяется протяженностью всей эпохи энеолита [Волков, 2005, 2006], в то время как периоду бытования байрыкских комплексов отводится постшапкульское время [Зах, 2006].

В-третьих, не полное совпадение основных орнаментальных характеристик рассматриваемых керамических комплексов. Так, для определения декоративного своеобразия байрыкской посуды стандартно используется положение о двух основных ее составляющих: гребенчатой (либо гребенчато-ямочной) и отступающе-накольчатой [Зах, 2006]. Применительно к лыбаевским древностям нами постулируются три основных типа керамики: «короткогребенчатый», «длинногребенчатый» и отступающе-накольчатый [Волков, 2002, 2005, 2006]. Полагаем, что последнее положение имеет большое, возможно, даже определяющее значение, вследствие чего заслуживает более подробного изложения.

Возможно, в работах предшествующего времени, посвященных характеристике лыбаевского орнаментального комплекса, нами были не совсем верно определены акценты в дифференциации посуды с различными орнаментальными составляющими. В частности, тезис о «короткогребенчатой» технике нанесения декора может являться спорным в методологическом отношении. Так, под коротким гребенчатым штампом наиболее часто понимается декор, представленный отпечатками, состоящими из двух-трех, реже четырех зубцов. В то же время на посуде, относимой к рассматриваемому типу, нередко представлены отпечатки орнамента, состоящие из пяти и даже шести зубцов. Исходя из сказанного наиболее логичным представляется говорить не столько о специфической технике нанесения орнамента, сколько о стиле.

Однако градация, подразумевающая разделение лыбаевского керамического комплекса на три основные группы, должна быть сохранена. При внимательном анализе гребенчатой составляющей декоративного комплекса лыбаевских древностей хорошо заметна разница между посудой, относимой к «короткогребенчатой» и «длинногребенчатой» группам, причем столь существенная, что, вероятно, свидетельствует о самостоятельном культурном происхождении последних. Применяя термин «короткогребенчатый стиль», мы прежде всего подразумеваем керамику, декорированную отпечатками гребенчатого штампа, каждый из которых, по сути дела, представляет собой независимый элемент орнамента (рис. 2, 5–9). Наиболее часто отпечатки «гребенки», прямые либо наклонные, группируются в горизонтальные линии, опоясывающие сосуд по диаметру. Специфика так называемого «короткого гребенчатого штампа» лыбаевских древностей, кроме того, определяется тем, что одно либо оба его окончания имеют «скругленное», точнее, «полукруглое» основание. Подобный орнамент совершенно нехарактерен для посуды, объединяемой нами в «длинногребенчатый» тип. Элементы декора, выполненные в рассматриваемом стиле, представлены отпечатками, в ряде случаев, возможно, «прокаткой», более узкого, «грацильного» штампа, окончания которого не отличаются от зубцов, расположенных в центре. Все они имеют «подквадратную» либо «подпрямоугольную» форму. Данный штамп, кроме того, более длинный, его общая протяженность может достигать 10–12 зубцов, а иногда и более. Отметим, что в группе «короткогребенчатой» посуды фиксируются изделия, имитирующие «длинногребенчатый» стиль. Однако они достаточно легко вычлняются из рассматриваемой группы. В частности, в составе прямых горизонтальных линий легко читаются отпечатки штампа в три-пять зубцов со скругленными окончаниями. А сами линии не воспринимаются в качестве сплошных, «неразорванных» элементов декора. Обращение к данному моменту далеко не случайно, оно призвано еще раз подчеркнуть отсутствие кажущегося единства и однородности гребенчатого комплекса энеолитических культур региона.

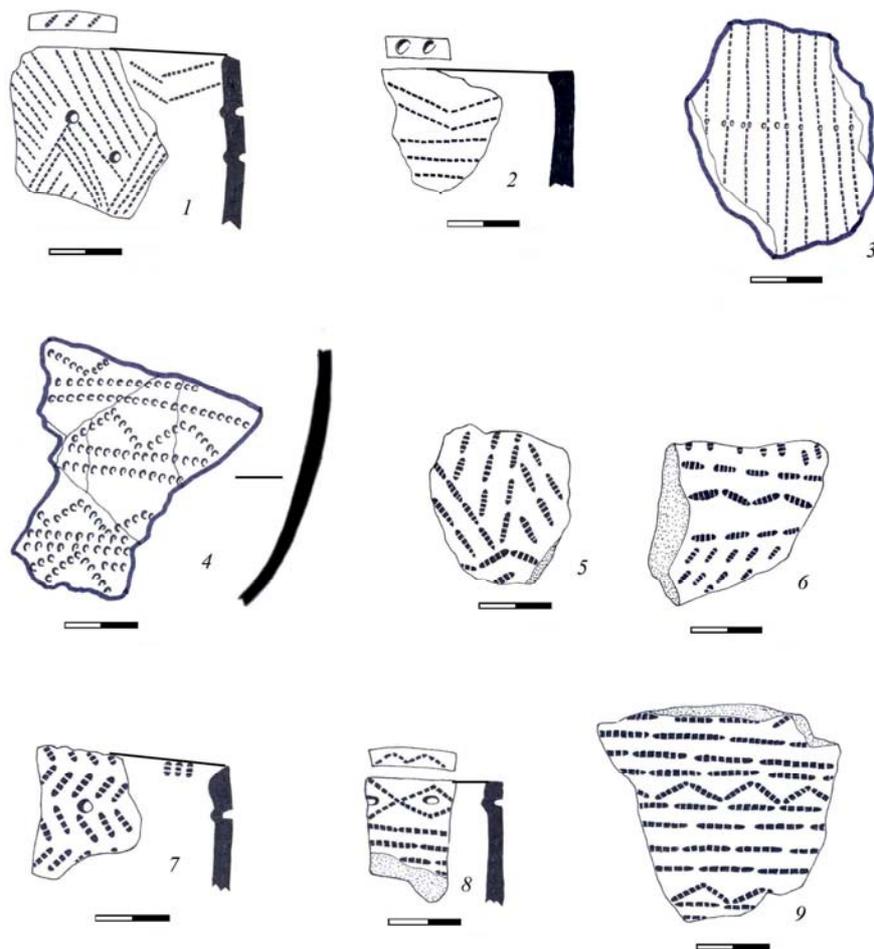

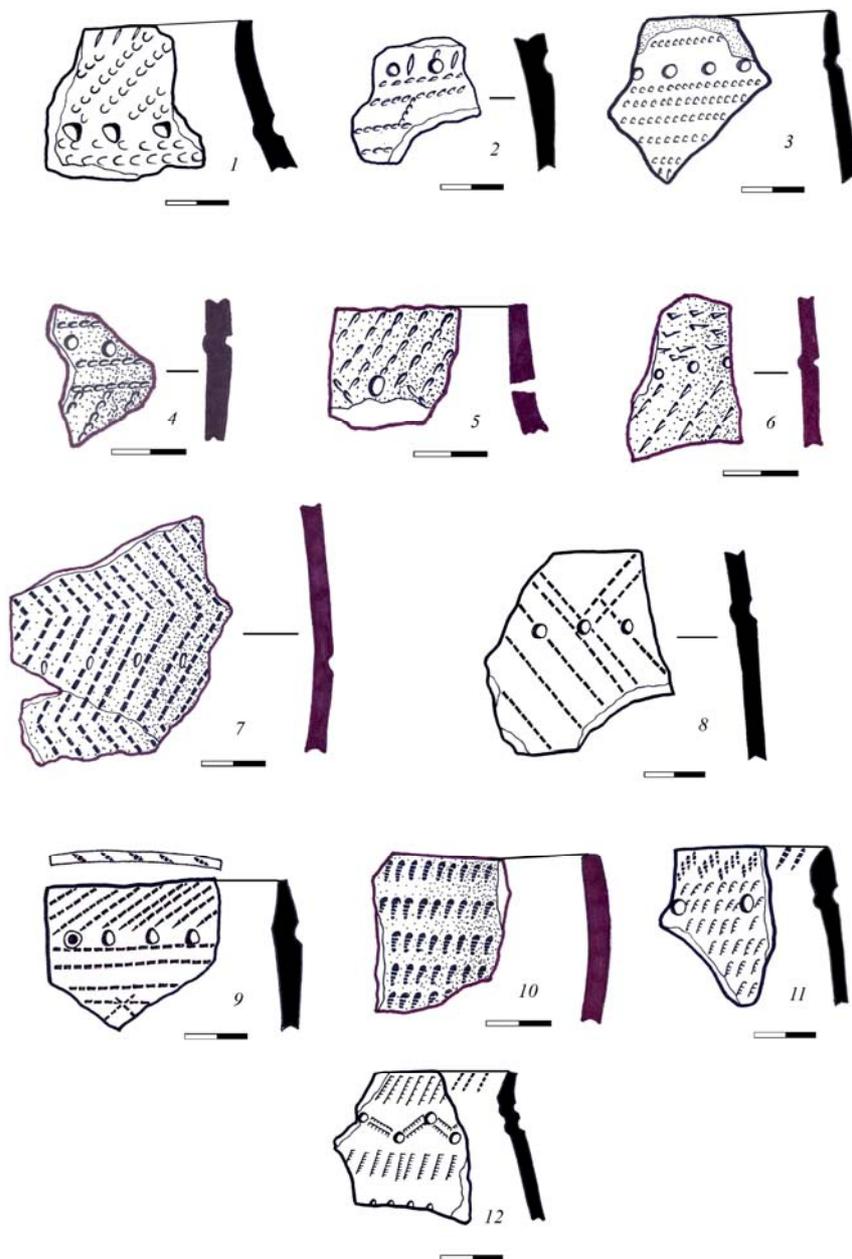
Рис. 2. Раннеэнеолитическая керамика могильника Бузан 3

Внимательное рассмотрение энеолитических памятников Тюменского Притоболья, локализованных в подтаежной полосе, которые в свете изысканий последнего времени могут быть отнесены к байрыкским древностям, показывает, что в составе керамики, декорированной в гребенчатом стиле, выделяются группы «длинногребенчатой» и «короткогребенчатой» посуды, о чем свидетельствует иллюстративный материал поселенческих комплексов, исследованных в предшествующие годы (рис. 2). К их числу могут быть отнесены поселения Юртобор 21 [Зах, 2002], СБАО 6 [Юровская, 1973. С. 5, рис. 1], ЮАО 8 [Ковалева, 1977. С. 97, 98, рис. 4, 5], ЮАО 12 (рис. 3, 3), ЮАО 13 (рис. 3, 4–7), ЮАО 18 (рис. 3, 9), ЮАО 15 (рис. 3, 1, 8, 11, 12) и ряд других. Аналогичную картину дали и новые раскопки поселения Ипкуль 1 [Волков, Белослудцев, 2005] (рис. 3, 4–7, 10), а также поселения Плотинное и Курья 1 [Волков, 2009]. С большой долей уверенности можно говорить о том, что внимательный пересмотр коллекций большинства энеолитических комплексов, исследованных на протяжении XX в., приведет к сходному результату.

Таким образом, данные, имеющиеся в нашем распоряжении, свидетельствуют если не о полной идентичности, то о существенном культурном сходстве памятников, атрибутируемых как принадлежащие к позднелыбаевским (двухозерским) и байрыкским древностям. Тем не менее фиксируются и отличия, вероятно, носящие локальный географический и хронологический характер. В данной части работы логично обратиться к географической дифференциации рассматриваемых объектов, естественной границей между которыми, с позиции накопленных на сегодняшний день данных, следует считать русло р. Исеть. Так, на керамике памятников, локализованных на правом берегу этой реки, даже в позднеэнеолитическое время пояски ямочного декора крайне редко опускаются на тулово [Волков, 2006, 2007]. В отступающе-накольчатом

К проблеме изучения энеолитических культур Тюменского Притоболья

комплексе рассматриваемых объектов керамика, декорированная двузубым орнаментом (крупнонакольчатая), представлена слабо, ее общее количество не превышает 10 %, основная роль принадлежит инструментам, оставляющим «каплевидные» и «подтреугольные» отпечатки [Волков, 2002, 2007] (рис. 2, 4).

Рис. 3. Энеолитическая керамика с памятников Тюменского Притоболья:
1, 8, 11, 12 — ЮАО 15; 3 — ЮАО 12; 4–7, 10 — Ипкуль 1; 9 — ЮАО 18

Несколько более сложная картина прослеживается для объектов, расположенных к северу от русла р. Исети. Кроме уже отмеченного факта высокой представленности ямочного декора на тулове сосудов, следует отметить и несовпадение, порой значительное, количественных характеристик посуды, декорированной в крупнонакольчатом стиле. С одной стороны, может быть выделена группа памятников, ведущую роль в отступающе-накольчатом комплексе которых играют орнаменты, оставляющие «каплевидные» и «подтреугольные» отпечатки. К их

числу следует отнести поселения Плотинное², СБАО 6 [Юровская, 1973], Ипкуль 1 [Волков, Белослудцев, 2005] и ряд других объектов. Материалы поселений Чечкино 1 [Зах, 2002], ЮАО 8 [Ковалева, 1977], Курья 1³ [Волков, 2009] и др., напротив, иллюстрируют преобладание крупнонакольчатой посуды.

Однако, полагаем, рассмотренные различия не должны служить препятствием для культурного объединения памятников, расположенных в подтаежной ландшафтной провинции (левобережье р. Исеть) и северной лесостепи. В пользу этого свидетельствует однотипный набор элементов декора и целостных орнаментальных композиций на керамике, сходство каменной индустрии и ее исходной сырьевой базы, однотипность домостроительной традиции и специфики хозяйства, основанного на принципах охоты и рыболовства [Волков, 2002, 2005–2007, 2009; Зах, 2002, 2006]. Резюмируя вышеизложенное, логично произвести культурное объединение памятников, выделенных ранее в самостоятельные лыбаевскую и байрыкскую культуры. Неполное совпадение характеристик, главным образом орнаментальных, по нашему мнению, говорит о существовании двух локальных вариантов в составе данного образования. Исходя из современного состояния изученности проблемы, применительно к выделяемой культуре оправданным представляется наименование «байрыкско-лыбаевская», а в ее составе — выделение двух локальных вариантов: южного — лыбаевского и северного — байрыкского.

Вместе с тем выделение единой байрыкско-лыбаевской культуры не решает всего спектра вопросов, связанных с изучением энеолита Тюменского Притоболья. При внимательном рассмотрении проблемы обнаруживается парадоксальная ситуация: обособление данной традиции логично лишь для эпохи позднего энеолита, датирующейся, по нашему мнению, первой третью — концом III тыс. до н.э. [Волков, 2007]. Раннеэнеолитическое время, согласно современным воззрениям, остается «белым пятном», не позволяющим сделать однозначные выводы, подкрепленные реальными археологическими свидетельствами. Если для памятников, локализованных на пространствах северолесостепной полосы, доказан факт эволюции раннеэнеолитических «бузанских» комплексов, бытовавших на протяжении конца IV — начала III тыс. до н.э., в позднеэнеолитические — «двухозерские», происходившей по пути сокращения доли «короткогребенчатой» посуды и увеличения «отступающе-накольчатой» керамики [Волков, 2006, 2007, 2009], то культурная предыстория байрыкских памятников не столь очевидна. Установлено лишь, что в подтаежной полосе Притоболья историческим предшественником байрыкских памятников являлись шапкульские древности [Зах, 2002, 2006], роль которых в сложении рассматриваемой традиции не выявлена однозначно. При решении поставленной задачи следует учитывать, что шапкульские древности изучены крайне слабо. Выводы о специфике и своеобразии данного образования в основном базируются на материалах трех памятников: Шапкуль 1, Малый Барашек 1 [Старков, 1980] и Чечкино 1 (жилище 1) [Зах, 2002]. Достаточно подробно охарактеризованы лишь поселения Шапкуль 1 [Старков, 1976, 1980] и Чечкино 1 [Зах, 2002]. Применительно к Чечкино 1 нужно иметь в виду многослойный характер памятника, на площади которого на протяжении эпохи энеолита последовательно селились носители шапкульского и байрыкского стереотипов [Там же]. Так как шапкульский комплекс стратиграфически и планиграфически был «отбит» от энеолитических материалов более позднего времени, нельзя исключать отдельных, неизбежных в подобных случаях ошибок в характеристике его особенностей.

Сказанное лишний раз свидетельствует, что предыстория подтаежных байрыкских памятников в настоящее время может быть реконструирована лишь гипотетически, с большим количеством допущений и вероятностей. В рамках формирования объективной гипотезы для нас важен факт фиксации в керамическом комплексе поселений Шапкуль 1 и Малый Барашек 1 незначительной серии отступающе-накольчатой керамики, по мнению В. Ф. Старкова, отличной от липчинской [1980. С. 162, 165]. Для шапкульского слоя поселения Чечкино 1 подобных фактов не отмечено, однако, учитывая многослойный характер объекта, подобной вероятности исключать нельзя. Вполне возможно, что часть посуды, декорированной в отступающе-накольчатом стиле, в реальности соотносится не с байрыкским, а с шапкульским строительным горизонтом памятника. Указанный факт, достоверно зафиксированный на поселениях Шапкуль 1

---

² Развернутую публикацию материалов энеолитического комплекса памятника планируется дать в следующем номере «Вестника археологии, антропологии и этнографии».

³ Материалы памятника будут опубликованы в ближайшее время.

К проблеме изучения энеолитических культур Тюменского Притоболья

и Малый Барашек 1, значительно сближает орнаментальные каноны шапкульских и раннелыбаевских (бузанских) памятников. Отступающе-накольчатые серии последних немногочисленны — 12–20 % от общего числа сосудов, и этот показатель может быть сопоставлен с данными по поселению Шапкуль 1 (4,7 %) и Малый Барашек 1⁴. О возможном присутствии в составе шапкульских комплексов «длинногребенчатой» керамики имеющиеся публикации сведений не дают. Отсутствие либо присутствие рассматриваемой группы посуды на поселениях Шапкуль 1 и Малый Барашек 1 может быть установлено лишь при непосредственной работе с их коллекциями. Учитывая, что на поселениях раннего этапа лыбаевской культуры доля подобной посуды немногочисленна и варьирует в пределах 11–24 % от общего числа сосудов [Волков, 2007. С. 42, табл. 42], нельзя исключать теоретической возможности бытования «длинногребенчатой» керамики в рамках шапкульских древностей, однако с несколько меньшим количественным показателем. Следует подчеркнуть, что основной — «короткогребенчатый» комплекс шапкульских памятников как по технике нанесения, так и по набору элементов орнамента во многом идентичен раннелыбаевским комплексам, о чем нам неоднократно приходилось писать [Волков, 2006, 2007, 2009]. Еще одним обстоятельством, сближающим раннелыбаевские и шапкульские объекты, является специфика каменной индустрии, базирующейся на использовании качественных пород сырья, с преобладанием в комплексах пластин и пластинчатых отщепов, присутствием наконечников стрел кельтеминарского типа [Волков, 2006, 2007, 2009; Старков, 1980].

Сказанное не исключает, что в подтаежных областях Тюменского Притоболья направленность историко-культурных процессов в целом совпадала с вектором развития «лесостепных» раннелыбаевских памятников. Если предложенная гипотеза будет подтверждена последующими изысканиями и археологическим материалом, в существовании байрыкско-лыбаевской археологической культуры вполне логично и обоснованно выделится ранний период (конец IV — первая треть III тыс. до н.э.), представленный шапкульским и бузанским этапами, а также позднеэнеолитический (первая треть — конец III тыс. до н.э.), включающий в себя байрыкский и двухозерский этапы.

В изучении памятников байрыкского локального варианта байрыкско-лыбаевских древностей остается немало нерешенных проблем, обусловленных как стереотипами предшествующего времени, так и недостаточностью археологического материала. Так, до сих пор открыт вопрос о количестве и процентном соотношении посуды с различными орнаментальными характеристиками. Анализ материалов поселений Ипкуль 1 (раскопки 2003 г.) и Плотинное демонстрирует картину, близкую той, которая отмечается для синхронных памятников северной лесостепи. Коллекция поселения Курья 1 не позволяет сделать однозначных выводов ввиду многослойного характера объекта в рамках эпохи энеолита. Предварительная статистическая обработка материалов памятника показывает, что первоначальное освоение его территории совпало с раннеэнеолитическим временем, с которым соотносится посуда, орнаментированная в шапкульском стиле, комплекс каменных изделий, изготовленных из качественного сырья, в том числе наконечник кельтеминарского типа. К более позднему времени, однако в пределах эпохи энеолита, относится репрезентативная выборка керамики, орнаментированной в гребенчатоямочной, включая «короткогребенчатую» и «длинногребенчатую» серии, и отступающе-накольчатой манере. Вследствие близости ранне- и позднеэнеолитических орнаментальных канонов хронологическая разбивка керамического комплекса была произведена типологически, с учетом архаических черт, к числу которых были отнесены: использование «жучкового» и «рамчатого» штампов, отсутствие поясков ямочного декора на поясе посуды и др. Вместе с тем подобный подход не исключает неизбежных ошибок, свойственных типологическому методу.

Статистические данные, иллюстрирующие своеобразие орнаментального комплекса позднего строительного горизонта поселения Чечкино 1, показывают крайне высокий процент «длинногребенчатой» выборки [Зах, 2002. Табл.], что совершенно нехарактерно для памятников северной лесостепи и ряда объектов, локализованных в подтаежной полосе Притоболья. Отметим, что корректное рассмотрение материалов большинства энеолитических памятников, исследованных в 70–80-х гг. XX в., невозможно из-за отсутствия статистических данных либо использования специфических подходов к статистике и определению типологии орнаментальных типов.

⁴ В.Ф. Старков сообщает о двух сосудах, украшенных в отступающе-накольчатом стиле, однако суммарный показатель керамики в работе не приведен [1980. С. 162–165].

Еще одним моментом, затрудняющим реконструкцию историко-культурной ситуации в подтаежной полосе региона на протяжении эпохи энеолита, является не совсем объяснимая крайне неравномерная представленность посуды с крупнонакольчатой орнаментацией на различных памятниках. Выше уже отмечалась относительно слабая репрезентативность рассматриваемой керамики на памятниках Плотинное, Ипкуль 1, СБАО 6 и ряде других объектов, по общей характеристике во многом сближающихся с лесостепными комплексами двухозерского этапа байрыкско-лыбаевских древностей. В то же время на территории рассматриваемой ландшафтной провинции достаточно хорошо представлены памятники, ведущую роль в отступающе-накольчатом комплексе которых играет посуда с крупнонакольчатым декором,— Курья 1 (поздний строительный горизонт), Чечкино 1, ЮАО 8 и др. Сейчас трудно найти исчерпывающий ответ на вопрос относительно крайне неравномерной представленности посуды с крупнонакольчатым декором на различных, вероятно синхронных, памятниках подтаежной полосы. В рамках предварительного объяснения логично обратиться к следующей версии. В свое время нами была предложена гипотеза о существовании на территории Тюменского Притоболья трех культурно-исторических провинций, отличающихся своеобразием историко-культурных процессов: Туринской (бассейны рек Туры и Иски), Притобольской (подтаежные районы, прилегающие к руслу р. Тобола) и Исетской (Тоболо-Исетское междуречье) [Матвеева и др., 2005]. При рассмотрении культурного своеобразия Притобольской провинции, в частности, отмечался факт преобладания в отступающе-накольчатом комплексе посуды с крупнонакольчатым декором и высокой репрезентативности «длинноребенчатой» керамики [Матвеева и др., 2005; Волков, 2007].

С учетом сказанного наиболее логичной представляется версия, согласно которой «крайними» точками культурогенеза в регионе являлись его северо-восточные районы (Притобольская провинция) и южные области (Исетская провинция). Вполне вероятно, что к истокам формирования крупнонакольчатого стиля относятся области, входящие и прилегающие к притобольскому локальному очагу культурогенеза. С этим же районом логично соотносить оформление памятников с высоким содержанием посуды, украшенной в «длинноребенчатом» стиле. Южные области региона (Исетская провинция), вероятно, выступили в качестве катализатора оформления отступающе-накольчатых серий, ведущая роль в которых принадлежит «каплевидным» и «подтреугольным» орнаментам. Исходя из сказанного нельзя исключать, что бассейны рек Туры и Иски, включая систему Андреевских озер, являлись контактной территорией, на которой органично переплетались и «перерабатывались» северо-восточные и южные новации и импульсы.

В завершение работы отметим, что в настоящее время невозможно дать окончательную, полномасштабную характеристику историко-культурных процессов, происходивших на территории региона в энеолитическую эпоху, ввиду недостаточности информации. Основные направления изысканий в данной области, наряду с рассмотренными в статье, должны определяться вопросами культурного соотношения шапкульско-раннелыбаевских памятников Притоболья и зауральских шувакишских древностей (см., напр.: [Чаиркина, 1997, 2005]), а также синхронности и культурно-хронологической сопряженности процессов в различных частях региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Асташкин В.И., Асташкина О.В., Дрябина Л.А.* Энеолитические комплексы поселения Велижаны-1 // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 1995. С. 29–38.
- Волков Е.Н.* Энеолитический комплекс поселения Двухозерное-1 // ВААЭ. 2002. Вып. 4. С. 57–70.
- Волков Е.Н.* Комплекс древних и средневековых памятников Ингальская долина: (Хронология культур, принципы взаимодействия человека и окружающей среды в контексте тематики изучения археологических микрорайонов): Автореф. дис. канд. ист. наук. Кемерово, 2005. 31 с.
- Волков Е.Н.* Лыбаевские древности лесостепного Притоболья (эпоха энеолита) // ВААЭ. 2006. № 7. С. 22–35.
- Волков Е.Н.* Комплекс археологических памятников Ингальская долина. Новосибирск: Наука, 2007. 224 с.
- Волков Е.Н.* Энеолит лесостепного и подтаежного Притоболья // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. Вып. 1. С. 47–50.
- Волков Е.Н., Белослудцев А.М.* Новые раскопки поселения Ипкуль-1 // АВ ОВО: Проблемы генезиса культуры. Тюмень: ТюмГУ, 2005. С. 48–60.
- Дмитриев П.А.* Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы // МИА. 1951. № 21. С. 7–27.
- Зах В.А.* Шапкульские комплексы и керамика с ребенчато-ямочным и крупнонакольчатым орнаментом из Нижнего Притоболья // ВААЭ. 2002. Вып. 4. С. 26–36.

К проблеме изучения энеолитических культур Тюменского Притоболья

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 55 с.

Зах В.А., Скочина С.Н., Пархимович С.Г. Грунтовый могильник Чепкуль-21 на севере Андреевской озерной системы // ВААЭ. 2005. № 6. С. 24–41.

Зырянова С.Ю., Шаманаев А.В. Энеолитический комплекс стоянки ЮАО XIIIА // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. Вып. 4. С. 60–71.

Ковалева В.Т. Энеолитическое поселение на Андреевском озере // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: Урал. ун-т, 1977. С. 89–103.

Ковалева В.Т. Энеолит Среднего Зауралья: Андреевская культура. Препр. Екатеринбург: УрГУ, 1995. 62 с.

Кокшаров С.Ф. Некоторые проблемы изучения липчинской культуры // Россия и мир: Панорама исторического развития. Екатеринбург: УрГУ, 2008. С. 141–153.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 278 с.

Косарев М.Ф., Потемкина Т.М. Поселение Ипкуль 1 // СА. 1975. № 4.

Матвеев А.В., Волков Е.Н. Исследование нео- и энеолитических памятников в Ингальской долине в 1998 г. // ВААЭ. 1999. Вып. 2. С. 124–125.

Матвеев А.В., Зах В.А., Волков Е.Н. Исследование энеолитического могильника Бузан-3 в Ингальской долине // ВААЭ 1997. Вып. 1. С. 156–158.

Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Матвеев А.В. Изучение этнокультурных ареалов и материальной культуры энеолита и бронзового века в Зауралье // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2005. Вып. 6. С. 118–128.

Старков В.Ф. Стоянка Шакуль-1 и особенности энеолита в лесном Зауралье // Вопр. археологии Приобья. Тюмень: ТюмГУ, 1976. С. 38–48.

Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 220 с.

Чаиркина Н.М. Зауральско-Североказахстанская культурно-историческая область эпохи энеолита: (Проблемы энеолита Среднего Зауралья) // Урал. ист. вестн. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1997. Вып. 4. С. 26–39.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2005. 313 с.

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. № 35. С. 10–36.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: Проблемы культурогенеза. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1999. 182 с.

Юровская В.Т. Классификация и относительная хронология археологических памятников эпохи бронзы на Андреевском озере у г. Тюмени // ВАУ. 1973. Вып. 12. С. 3–20.

Тюмень, ИПОС СО РАН

The article is devoted to the questions of studying the Aeneolithic cultures of Tyumen Low Tobol basin. The analysis of the accumulated archaeological data allowed to combine the Lybayevo and Bairyk antiquities considered earlier as independent cultural formations within the limits of one archaeological culture. The designation of this archaeological culture was proposed as "Bairyk-Lybayevo" in which it is suggested to single out two local variants: northern (Bairyk) and southern (Lybayevo).

The Aeneolithic Age, the Lipchino culture, Tyumen Low Tobol basin, the Bairyk-Lybayevo culture, re-treating-pricked pottery, short ridge stamp, long ridge stamp, ridge-and-pit ornamented dishes.